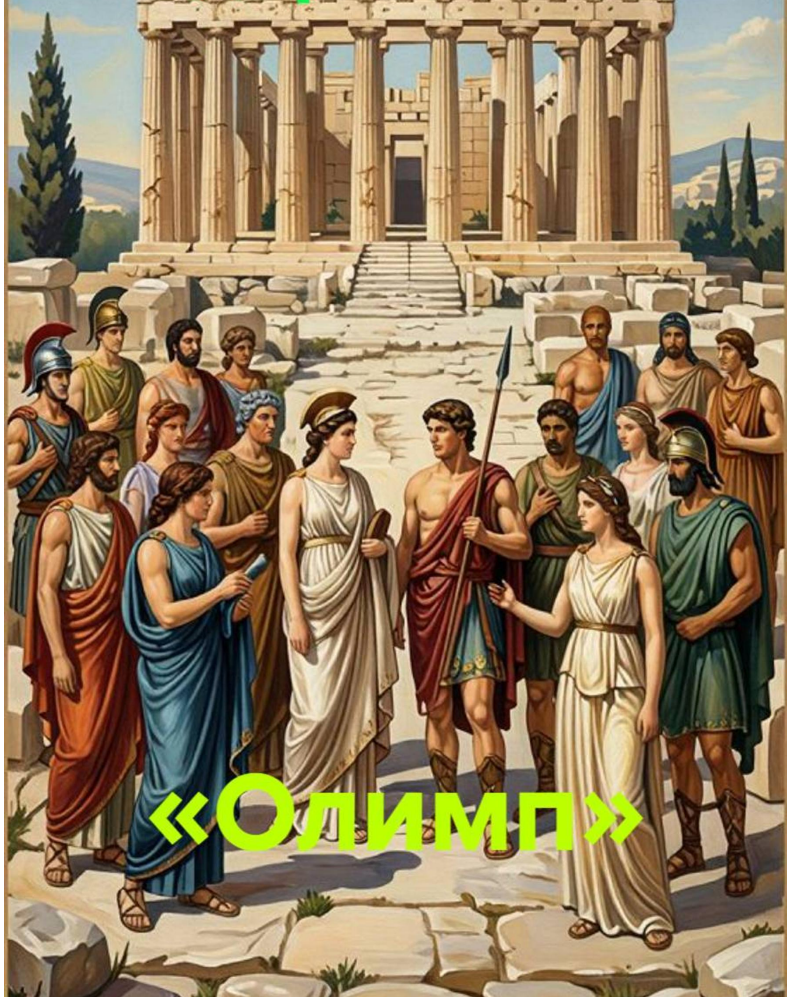

Дара Вейн

«Олимп»

Дара Вейн

«Олимп»

<https://litres.ru/74487518>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман о Древней Греции и богах, которым поклонялись. Двенадцать олимпийцев — и люди, которые их придумали.

Парфенон и Дельфы. Элевсинские мистерии и спартанская агоге. Афина, Посейдон, Арес, Афродита — у каждого свой храм, свой голос, свой взгляд с горы вниз. Торговец, кормчий, отец больной дочери, бегун, невеста — люди, которые приходили к алтарю с мёдом, оливками и кровью. Потом — Сократ, который спросил богов и умер за это. Платон и Аристотель, которые увели богов с горы в мысль. И пустой Олимп, где остался только ветер.

Книга не о богах. О людях, которые создали их по своему образу — и научились жить без них.

Содержание

Дара Вейн	4
Аннотация	5
Пролог. Гора	6
Часть первая. Алтарь	9
Глава 1. Афина	9
Глава 2. Посейдон	13
Глава 3. Дельфы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дара Вейн «Олимп»

Дара Вейн

ОЛИМП

*Роман о богах, которым поклонялись, и людях, которые
их придумали*

Аннотация

Древняя Греция. V век до нашей эры — время, когда боги жили на Олимпе, а люди — у их подножия. Храмы, жертвоприношения, оракулы, мистерии. Каждый город — свой покровитель. Каждый день — молитва. Афина и Посейдон спорят за Афины. Дельфийский оракул вещает судьбы царей. Элевсинские мистерии обещают бессмертие души. Роман рассказывает о вере, которая создала цивилизацию — и о людях, которые верили, что боги смотрят сверху вниз. Но что, если боги смотрят — изнутри нас?

*Тем, кто смотрит в небо и видит не пустоту — а нечто
то взгляд*

Пролог. Гора

Гора была выше, чем помнил мир. Снег на вершине — белый, как кость, как соль, как первый день творения. Облака обнимали склоны, как шерсть, и тот, кто стоял на вершине, видел всё: каждый город, каждый храм, каждое лицо. Двенадцать тронов из камня и света. Двенадцать фигур, которые не старели, не болели, не умирали. Они не были добры. Они не были злы. Они были — как море: сегодня гладь, завтра буря, послезавтра — снова гладь, а ты уже утонул.

Зевс сидел на центральном троне. Молния лежала у ног, как спящая змея. Борода — седая, густая, как облако. Глаза — серые, как небо перед грозой. Он смотрел вниз, на города, и видел: Афины строят храм, Спарта копьё точит, Дельфы ждут змею.

— Они опять молятся, — сказал Зевс.

— Они всегда молятся, — ответила Гера. Её глаза — как мёд, как яд, как всё, что сладко и смертельно. — Это единственное, что они умеют делать хорошо.

— И плохо, — добавил Зевс.

Тишина. Ветер с горы. Где-то внизу — козлёнок блеет. Жрец поднимает нож. Кровь на алтарь. Дым к небу.

— Чувствуешь? — спросил Зевс. — Запах жертвы. Как ладан и страх.

— Как ужин, — сказала Гера. — Мы едим их молитвы. Это единственная пища, которая не кончается.

Зевс помолчал. Потом:

— Однажды они перестанут.

— Нет, — сказала Гера. — Они придумают других. Но молиться — перестанут. Не умеют. Молиться — это дышать. Пока дышат — молятся. А потом — придумают, что молить-

ся не нужно. И тогда мы умрём.

— Мы бессмертны.

— Нет, — сказала Гера. — Мы — пока верят. Это и есть бессмертие. Верят — есть. Не верят — нет. Это страшнее смерти, Зевс. Это — забвение.

Зевс посмотрел вниз. Дым жертв поднимался к нему, как тысячи тонких пальцев. Он вдохнул. Пахло мясом, маслом, мёдом, страхом, надеждой. Пахло — жизнью.

— Пока — есть, — сказал он. — Пока — есть.

Часть первая. Алтарь

Глава 1. Афина

Афины, 447 год до н. э.

Утро было медовым. Свет струился по мрамору Акрополя, как вода по камню, и всё, чего он касался, становилось золотым. Парфенон ещё строился — леса опутывали колонны, как паутина, и каменотёс Фидий стоял внизу, запрокинув голову, и смотрел на свою Афину.

— Она будет держать копьё? — спросил Перикл.

— Должна, — ответил Фидий. — Без копья — не Афина. Без мудрости — сила. Без силы — мудрость. Вместе — богиня.

Перикл кивнул. Он был стратегом Афин — первым голосом в собрании, первой рукой на руле. Лицо — как мрамор,

который он любил: гладкое, холодное, благородное. Глаза — тёмные, внимательные. Он строил не храм. Он строил доказательство: Афины — первый город мира, и Афина — его свидетель.

— Сколько статуй? — спросил он.

— Двенадцать метров, — сказал Фидий. — Золото и слоновая кость. Она будет видна с моря. Корабли увидят её раньше, чем город. Она будет — первая. Как и должно.

Внизу, на агоре, торговец оливкового масла Деметрий ставил первую жертву дня. Козлёнок — белый, как первый снег на Олимпе. Жрец Эвмолп — старик с руками, пахнущими ладаном и кровью, — поднял нож.

— О Афина Полиада, защитница города, — произнёс Эвмолп, — прими жертву. Дай мудрость. Дай победу. Дай масло — и покупателя.

Деметрий фыркнул. Он не верил в жрецов. Он верил в

ОЛИВКИ.

— Афина не продаёт масло, — сказал он потом, за чашей вина, — Афина продаёт защиту. А защита — это когда ты можешь спать ночью и не бояться, что спартанец придёт за твоим маслом. Вот что я покупаю. Не богиню. Спокойную ночь.

Жена его, Ламия, молчала. Она знала: Деметрий не верит — но каждое утро кладёт хлеб на алтарь. Каждое утро — «Афина, защити». Это не вера. Это — привычка. Привычка — сильнее веры.

А на Олимпе Афина сидела рядом с Зевсом и смотрела вниз. Она видела — всё. И Фидия, и Перикла, и Деметрия, и Ламию. Видела, как Деметрий смеётся над ней — и кладёт хлеб. Видела, как Перикл строит ей храм — и строит себе памятник. Видела, как Фидий лепит её лицо — и лепит своё.

— Они не верят, — сказала она.

— Они строят, — ответил Зевс. — Это лучше.

— Нет. Это красивее. Не то же самое.

— Достаточно, — сказал Зевс.

Афина покачала головой. Она была мудрее отца. Она знала: храм — это не вера. Храм — это камень. Вера — это когда ты стоишь ночью на крыше, смотришь в небо и говоришь: «Я не один». Храм может стоять тысячу лет после того, как вера умрёт. Мрамор — долговечнее молитвы.

— Они придумают меня красивой, — сказала она. — Золотые волосы, голубые глаза. А я — серая. Как сова. Как расцвет. Как камень, из которого меня лепят.

— Это и есть ты, — сказал Зевс. — Камень, который они лепят, — и есть Афина. Ты — не статуя. Ты — руки, которые её лепят.

Глава 2. Посейдон

Саронический залив, тот же день.

Корабль «Светлая Афина» шёл из Пирея на Эгину. Восемнадцать вёсел, тридцать шесть гребцов, один парус — и один бог, которому молились.

Кормчий Никандр стоял на носу, и ноги его были босы, и мозоли его были толщиной в палец. Он знал море, как жена знает его спину: каждый шрам, каждую родинку, каждый угол, где больно.

— Посейдон, — бормотал он, — дай гладь. Дай ветер в спину. Дай не утонуть.

Гребцы не молились. Они гребли. Молитва — для того, кто свободен. Раб — гребёт. Никандр был свободен: он кормчий. Свобода — это когда ты можешь сказать «Посейдон» и не получить плетью.

Волна поднялась. Небольшая — локтя три. Но Никандр побледнел.

— Тяни! — крикнул он. — Право! Право, собаки!

Корабль лёг на правый борт. Волна прошла под килем — мимо. Никандр выдохнул.

— Посейдон услышал, — сказал он.

— Посейдон спит, — ответил гребец Филон. — Как всегда. Когда нужно — спит. Когда не нужно — будит. Как жена.

Никандр не засмеялся. Он боялся шутить о Посейдоне. Бог, который слышит, — опаснее бога, которого нет. Посейдон слышал всё. Каждый плеск, каждый вздох, каждое проклятие моря. Он не был добр. Он был — море. Сегодня — гладь, завтра — глубина.

На Олимпе Посейдон сидел на краю — отдельно. Трезубец прислонён к трону. Борода — зелёная, как водоросли. Глаза — тёмные, как глубина, куда не падает свет. Он был старше Зевса в чувстве — не в годах, а в тяжести. Море — тяжелее неба. Небо — лёгкое. Море — всё.

— Опять молятся, — сказал он.

— Они всегда молятся, — ответила Амфитрита, его жена. Она была — как волна: прекрасная, холодная, невозможная. — Когда боятся.

— Когда боятся — это честно, — сказал Посейдон. — Когда благодарят — это ложь. Благодарят те, кто не понял: я не дарю гладь. Я дарю — жизнь. А жизнь — это волны, а не гладь. Гладь — это смерть. Волна — это дорога.

— Они не понимают, — сказала Амфитрита.

— Никогда не понимали, — сказал Посейдон. — Они молятся о спокойном море. Но если бы я даровал им спокойное

море — они бы никогда не вышли из порта. Никто не вышел бы. Все остались бы дома. А дом — это не жизнь. Жизнь — это «Светлая Афина» на волне, и Никандр у штурвала, и Филон, который шутит. И страх. Без страха — нет дороги.

Он поднял трезубец. Волна ушла — вниз, к Пирею. Море затихло.

— Вот, — сказал он. — Они скажут: «Посейдон услышал». И успокоятся. И завтра выйдут снова. И снова будут бояться. И снова — молиться. И так — вечно. Пока есть море.

Глава 3. Дельфы

Дельфы, 447 год до н. э.

Дорога к Дельфам шла по горе. Каждая ступень — камень, отполированный ногами паломников. Тысячи ног. Десять тысяч. Сто тысяч. Каждый — шёл вверх. Никто не шёл вниз с пустыми руками. Вниз — с ответом. Ответ был тяжелее жертвы.

Ликиск шёл третий день. Из Коринфа. Ноги стёрты. Пузыри на пятках лопнули и загноились. Он не останавливался. Он шёл к оракулу — к Пифии, к Аполлону, к единственному голосу, который знал будущее.

— Зачем тебе? — спросил его попутчик, торговец из Мегары.

— У меня дочь, — сказал Ликиск. — Она больна. Врачи не знают. Травы не помогают. Я иду спросить Аполлона: жить — или нет.

— Аполлон — не врач, — сказал торговец. — Аполлон — бог. Боги не лечат. Боги — отвечают. А ответы — как жабы: скользкие и холодные.

Ликиск не ответил. Он знал: торговец прав. Но правота — не утешение. Утешение — это когда ты идёшь три дня по горе, и кто-то говорит тебе, что будет. Даже если врёт. Даже если «будет» — не то, что ты хочешь. Лишь бы — сказали.

Храм Аполлона стоял на вершине. Шесть колонн дорических, тяжёлых, как судьба. Над входом — надпись: «Познай себя». И ещё: «Ничего лишнего».

Внутри — тьма. Дым от лавра, из которого Пифия делает отвар. Запах — горький, сладкий, удушающий. Пифия сидит на треножнике. Старая женщина — или молодая? Ликиск не мог разглядеть. Дым скрывал лицо. Только голос.

— Спрашивай, — сказал жрец.

Ликиск встал на колени.

— О Аполлон, — сказал он, — дочь моя, Мелисса. Девять лет. Лихорадка третий месяц. Врачи — сдались. Травы — сдались. Я — не сдался. Скажи: жить?

Тишина. Потом — голос Пифии. Не человеческий. Из другого места. Из трещины в земле, из которой поднимался дым. Голос — как ветер в пещере:

— Тот, кто идёт по воде, не утонет. Тот, кто ждёт солнце, дожждётся.

— Что это значит? — спросил Ликиск.

Жрец покачал головой:

— Оракул не объясняет. Оракул — говорит. Толковать — тебе.

Ликиск шёл вниз. Три дня. Ноги болели. Дочь — ждала. Что значит «идти по воде»? Что значит «ждать солнце»? Он не знал. Но шёл.

На Олимпе Аполлон стоял у колонны. Молодой, золотой, прекрасный — как утро. Лир в руках. Струны молчали. Он смотрел вниз — на Дельфы, на Ликиска, на Пифию.

— Ты сказал ерунду, — сказал Гермес. — «Идти по воде»? Он не поймёт.

— Не должен понимать, — ответил Аполлон. — Должен — идти. Три дня вверх, три дня вниз. Шесть дней — на ногах. За эти шесть дней он поймёт больше, чем за десять лет дома. Оракул — не ответ. Оракул — дорога. Ответ — в дороге.

— А девочка?

— Девочка, — сказал Аполлон, — выздоровеет. Не потому что я. Потому что — отец. Отец, который идёт три дня по горе ради дочери, — сильнее любой болезни. Я не лечу. Я даю — идти. Это больше, чем лечение. Это — вера. Вера лечит. Не я. Не храм. Не дым. Вера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.